

ПОГРАНИЧНЫЙ СТАТУС ПРИЧАСТИЙ В СИСТЕМЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

Мавлянова Тамилла Бахрилловна

*д.ф.ф.н. (PhD), доцент кафедры русского языка и литературы
Самаркандского государственного педагогического института*

Махматова Парвина Хуршид кизи

*студентка 3 курса факультета языков
Самаркандского государственного педагогического института*

Аннотация: Настоящая статья посвящена исследованию пограничного статуса причастия в морфологической системе современного русского языка. Автор предлагает критический анализ основных подходов к определению частеречной принадлежности причастия — вербоцентрического, сепаратистского и синкретичного — и обосновывает эвристическую ценность теории переходности для описания данной категории. В работе причастие рассматривается не как изолированная форма с фиксированным грамматическим статусом, а как гибридная глагольно-адъективная категория, занимающая промежуточное положение между глаголом и прилагательным. Особое внимание уделяется механизмам адъективации и предикативации причастий, представленным в виде ступенчатой шкалы переходности (от ядерного причастия к отглагольному прилагательному и функциональному предикативу). На материале современного русского языка демонстрируется, как причастные формы разных типов в разной степени утрачивают глагольные признаки (вид, время, залог, управление) и приобретают адъективные (качественное значение, возможность образования степеней сравнения и кратких форм). Отдельно анализируется метод индексации В.В. Шигурова как инструмент количественной оценки степени отдаления причастной формы от глагольной парадигмы. В заключении формулируется тезис о том, что причастие представляет собой не точку на карте частей речи, а континуум, простирающийся от ядерных глагольных форм до качественных прилагательных и предикативов, что делает его классическим примером пограничного, синкретичного явления в морфологии. Статья предназначена для специалистов в области теоретической лингвистики, морфологии, функциональной грамматики и русистики.

Ключевые Слова: причастие, пограничный статус, части речи, синкретизм, переходность.

Гибридная природа причастия

Причастие с самого момента своего появления в языке и с самого начала его научного описания демонстрирует уникальное совмещение глагольных и именных признаков. Уже М.В. Ломоносов в «Российской грамматике» (1755) зафиксировал: причастия «имеют три рода, два числа, семь падежей, как имена» — и тут же добавил: «шесть родов, как глаголы; склоняются наподобие имен прилагательных»²⁵. Под «шестью родами» учёный подразумевал залоговые и временные разновидности причастных форм. Таким образом, уже первое системное описание причастия в русской грамматике исходило из признания его двойственной природы.

Со стороны глагола в структуру причастия входят следующие категориальные признаки: вид (причастия бывают совершенного вида — *написавший, сделанный* — и несовершенного — *пишущий, делаемый*); залог (действительные причастия — *читающий* — и страдательные — *читаемый*); время (настоящее — *читающий* — и прошедшее — *читавший, читанный*); возвратность / невозвратность (*строящийся, строивший*); способность управлять зависимыми словами (*читающий книгу, написанный другом*). Со стороны же прилагательного причастие наследует согласование с существительным в роде, числе и падеже, склонение по адъективному образцу и способность выполнять в предложении функцию согласованного определения.

Академик В.В. Виноградов, наиболее глубоко разработавший теорию гибридности причастия, писал: «Качественность имени прилагательного вневременна. Категория времени может быть лишь синтаксически вовлечена в круг значений имени прилагательного... Между тем, непосредственно от глагола шёл поток форм, внедрявшихся в класс имён прилагательных. Это — причастия, в которых глагольность выражается как окачествлённое действие, приписанное предмету и определяющее его наподобие имени прилагательного»²⁶. Ключевое слово здесь — «поток». Виноградов подчёркивает, что причастие — это не застывшее образование, а динамическая зона, в которой происходит постоянное движение от глагольности к адъективности.

Три подхода к определению статуса причастия

Вербоцентрический подход, наиболее традиционный в академической русистике, рассматривает причастие как неспрягаемую,

²⁵ Ломоносов М.В. Российская грамматика. — СПб., 1755. — § 439–452.

²⁶ Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под ред. Г. А. Золотовой. — 4-е изд. — М.: Рус. яз., 2001. — С. 221.

атрибутивную форму глагола. Его аргументация опирается на тот факт, что причастие полностью сохраняет глагольные категории вида, залога, времени и возвратности, образуется исключительно от глагольных основ и сохраняет глагольное управление. Академическая «Русская грамматика» 1980 года определяет причастие именно как «атрибутивную форму глагола», противопоставленную предикативным (личным) формам.²⁷ Суффиксы причастий в рамках этого подхода считаются формообразующими, то есть не создающими нового слова. Л.В. Щерба, признавая общую размытость границ между частями речи, тем не менее не выделял причастие в отдельный класс, рассматривая его именно в системе глагольных форм.

Сепаратистский подход, напротив, настаивает на самостоятельности причастия как части речи. Его сторонники — Н.М. Шанский, В.В. Бабайцева и другие — указывают на то, что причастие обладает уникальным категориальным значением — **признак предмета по действию**, — которое не сводится ни к глагольному процессу, ни к адъективному качеству. Кроме того, причастие имеет собственную словоизменительную парадигму (склонение, а не спряжение), а его суффиксы, по мнению сторонников этого подхода, являются не формообразующими, а словообразовательными. При таком взгляде *читающий*, *читавший*, *читаемый* и *читанный* — это разные слова, а не формы одного глагола *читать*.

Синкретичный подход, заложенный В.В. Виноградовым и развитый в трудах В.В. Шигурова, предлагает рассматривать причастие не через жёсткое приписывание к одному классу, а как явление, находящееся в зоне переходности [4; 9]. Именно этот подход и представляется наиболее адекватным, поскольку он не навязывает причастию один-единственный статус, а признаёт, что его положение в системе частей речи может быть различным в зависимости от степени проявления глагольных или адъективных свойств у конкретной причастной формы.

Шкала переходности: от глагола к прилагательному и предикативу

Центральным инструментом синкретичного подхода является шкала переходности, детально разработанная В.В. Шигуровым.²⁸ Эта шкала позволяет представить процесс превращения причастия в другую часть речи не как одномоментный акт, а как градуальный, ступенчатый переход.

²⁷ **Русская грамматика:** в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. — М.: Наука, 1980. — Т. 1. — § 1576–1588.

²⁸ **Шигуров В. В.** Предикативация как тип ступенчатой транспозиции языковых единиц в системе частей речи: теория транспозиционной грамматики русского языка. — М.: Наука, 2016. — С. 238–256.

Применительно к причастию на этой шкале можно выделить четыре последовательных звена.

Первое звено — ядерное причастие. Форма сохраняет все глагольные категории (вид, время, залог), управляет зависимыми словами, обозначает действие как процессуальный признак и согласуется с определяемым словом в роде, числе и падеже. Например: *Написанное другу письмо лежало на столе*. Здесь налицо полный набор глагольных и адъективных признаков: страдательный залог, прошедшее время, совершенный вид, наличие зависимого слова «другу» — и одновременно согласование со словом «письмо» в среднем роде, именительном падеже.

Второе звено — периферийное причастие в составе сказуемого. Форма употребляется в кратком варианте, но ещё сохраняет связь с подлежащим. Пример: *Письмо было написано другу*. Здесь причастие уже не имеет падежного изменения, функционирует как часть составного сказуемого, но продолжает согласовываться с подлежащим в роде и числе.

Третье звено — зона гибридности (полупричастие-полупредикатив). Форма употребляется в безличной конструкции, где подлежащего нет, а согласование становится невозможным. Пример: *Там было написано, что...*. В этой позиции словоформа «написано» уже не обозначает признак конкретного предмета, а выражает состояние или факт. Связь с глагольной системой ещё ощущается, но адъективные признаки — род, число, падеж — полностью нейтрализованы. Именно это звено и является квинтэссенцией пограничного статуса.

Четвёртое звено — функциональный предикатив. Форма окончательно закрепляется в функции главного члена безличного предложения и полностью утрачивает способность к согласованию. Пример: *Об этом написано в письме*. Здесь словоформа «написано» выражает состояние, существующее безотносительно к какому-либо деятелю, и тяготеет к категории состояния (предикативу). При этом она сохраняет целый ряд семантических и морфемных признаков исходного причастия (вид, залог, прошедшее время, суффиксы), что и позволяет говорить именно о транспозиции, а не о появлении омонима.

Метод индексации

Для того чтобы перевести описание этих стадий из области качественных наблюдений в плоскость строгого количественного анализа, В.В. Шигуровым был разработан метод индексации. Суть его заключается в том, что у каждой конкретной словоформы подсчитывается

количество дифференциальных признаков, общих с ядерным причастием (исходным звеном), и количество признаков, общих с конечным звеном шкалы (предикативом или прилагательным).

Так, у предикатива *написано* из предложения *Об этом написано в письме* сохраняется девятнадцать общих признаков с ядерным причастием: лексическое значение глагола *написать*, совершенный вид, страдательный залог, прошедшее время, суффиксы -н- и ряд других. Одновременно у этой же формы появляются отличительные признаки: отсутствие падежного изменения, фиксированная форма среднего рода, закреплённость в единственном числе, способность образовывать аналитические временные и модальные формы (*не было написано, не будет написано, было бы написано*). Сопоставление этих показателей даёт точный индекс положения словоформы на шкале переходности.

Адъективация причастий

Параллельно с предикативацией протекает и другой процесс — адъективация, то есть переход причастия в прилагательное. Здесь также можно выделить несколько стадий. Ядерное причастие (*решающий задачу ученик*) сохраняет процессуальность и глагольное управление. Адъективирующееся причастие (*решающий момент*) уже приобретает качественный оттенок, но ещё сохраняет связь с глаголом. Отглагольное прилагательное (*жареный картофель*) утрачивает процессуальное значение, вида и времени, не управляет творительным падежом деятеля. Наконец, полное качественное прилагательное (*изысканный вкус, начитанный человек*) полностью теряет связь с глаголом, может образовывать степени сравнения и краткие формы с качественным значением. Проведённый анализ позволяет утверждать, что пограничный статус причастия является не аномалией или недостатком грамматической системы, а её сущностной, конститутивной характеристикой. Причастие существует в языке не как точка на карте частей речи, а как **континуум**, простирающийся от ядерных глагольных форм до функциональных предикативов и качественных прилагательных. Ни вербоцентрический, ни сепаратистский подходы не способны описать эту динамику во всей её полноте.

Именно синкретичный подход, опирающийся на теорию переходности, шкалу ступенчатой транспозиции и метод индексации, разработанные В.В. Шигуровым, позволяет адекватно представить реальное положение дел. Причастие не имеет одного-единственного грамматического статуса — его статус является функцией от контекста и от степени утраты глагольных либо приобретения адъективных или предикативных свойств. Эта динамическая природа причастия делает его

классическим примером пограничного, синкретичного явления в морфологии и открывает перспективы для дальнейших исследований в области теории переходности

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ломоносов М.В. Российская грамматика. — СПб.: Имп. Акад. наук, 1755.
2. Востоков А.Х. Русская грамматика. — СПб., 1831.
3. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике: в 4 т. — М., 1958. — Т. I–II.
4. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). — М., 2001.
5. Русская грамматика: в 2 т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. — М., 1980. — Т. 1.
6. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Избранные работы по русскому языку. — М., 1957.
7. Бабайцева В.В., Чеснокова Л.Д. Русский язык: Теория. 5–9 кл. — М., 1993.
8. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка. — М., 2000.
9. Шигуров В.В. Предикативация как тип ступенчатой транспозиции языковых единиц в системе частей речи. — М., 2016.